

Земля блуждающих

Грязная черная карета с золотым королевским гербом, запряженная парой вороных, стояла посреди небольшой вырубki в холодном осеннем лесу. Моросил дождь, измученно поскрипывали стволы голых деревьев, вразнобой стучали топоры. Кутаясь в мокрые плащи, три десятка конных гвардейцев хмуро смотрели, как кучка усталых крестьян мостит, то и дело оступаясь в тину, гать через болото, за которым начинался сосняк.

Внутри кареты находились две придворные барышни и принцесса Нойра. Усатый капитан гвардейцев возвышался верхом на лошади в непосредственной близости, наблюдал увядание природы и поневоле слышал высокородных девиц, которые вяло костерили погоду, трясину и вчерашнюю поломку повозки с вещами. Пожалуй, последнее обстоятельство их огорчало более всего. Сам же капитан с тоской вспоминал пухленькую служанку из трактира на постоялом дворе «У старого борова», оставшегося в десяти днях пути, и уныло размышлял, сколько еще продлится это треклятое путешествие.

Уже не первый день принцесса продиралась сквозь чащу в сопровождении отряда всадников и мужиков, нанятых расширять топорами едва заметную тропку, ведущую, как уверял местный проводник, к скиту отшельника. Перед этим несколько недель Ее Высочество колесило по восточной окраине королевства в поисках суженого, пытаясь напасть на его след. Причиной же всех этих злоключений был никчемный разговор старого короля и его будущего зятя относительно драконов, затеянный на пиру во дворце в честь двадцатилетия Нойры.

Всем ведь известно, что драконы были. Были да сплыли, и говорить о них уже нечего. Так нет, дошли до короля слухи, что не всех тварей огнедышащих перебили, есть где-то еще на чешуйчатой шее башка, которая весьма украсила бы стены Охотничьего зала, увешанные бесчисленным количеством оскаленных трофейных морд. Висели там головы и медведей, и волков, и рысей вкупе с кабанами да оленями, а вот драконьей не было.

В свете последних вестей такая картина настолько опечалила короля, что, опустошив пару-тройку кубков, он возьми и бухни будущему родственнику, широкоплечему русому юноше годков двадцати двух:

– Не увижу на стене драконью голову – не видать тебе Нойры как своих ушей!

– Но... Ваше Величество!.. – подавился от неожиданности мясом вепря нареченный из древнего рода Данстедов по имени Эрн, а когда прокашлялся, воскликнул: – День свадьбы уже назначен!

– Да-а? – с ухмылкой протянул король. – А год? Этот, да? Так он просто... подразумевался, что ли...

Совсем уж ошалевшими глазами посмотрел на него Эрн. Будь его воля, то сей же миг бородатая башка короля была бы готова украсить стены зала, однако пылал он нешутейной страстью к принцессе и догадывался, что любимая его поступка не одобрит.

– Где же искать это чудище? – упавшим голосом спросил Эрн, слыхавший о драконах разве что от деда, гораздого небылицы выдумывать.

– Мне и самому интересно, как могло стать, что оно дожило до наших дней. Так что ты у людей поспрашивай... Говорят, сказывал про дракона одному странствующему книжнику отшельник, живущий в урочище в той стороне, где Солнце восходит. – Король дал знак, чтобы слуга наполнил их с женихом кубки. – Эх, сам бы пошел, да стар уже!.. В общем, быстрее коня оседлаешь, быстрее свадьбу сыграем! Будь здоров!

Закручинился новоиспеченный драконоборец, да делать было нечего. Испил он из кубка, в тот же вечер попрощался с дорогой сердцу Нойрой, поклявшись в вечной любви, и поутру отправился чудище искать.

Принцесса принялась верно ждать суженого, однако не вернулся благородный рыцарь к назначенному дню свадьбы, не явился и через месяц. Закончилась весна, а как лето повернуло к осени, взбеленилось Ее Высочество, обругало последними словами короля и само на поиски отправилось, поклявшись либо отыскать любимого, либо вдали от отчего дома дожидаться смерти старого дурня, обрекшего дочь глупыми прихотями на затянувшееся девичество.

Плюнуло Его Величество вслед Ее Высочеству и помянуло незлым тихим словом ее бабу по матери, покойную взбалмошную королеву, на которую дочь-строптивница страх как походила нравом. Затем сделало знак слуге наполнить только его кубок, потому что с тех пор, как Эрн уехал, пило в одиночестве, не признавая иных придворных достойными своего общества.

Король, конечно, с удовольствием опрокинул бы кубок-другой с чародеем, что обитал в Совиной башне дворца, да тот силы свои истощил в борьбе с засухой, призывая тучи грозовые на поля королевства. И так надорвался на этом поприще, что помутнели его острые глазки, и он даже не смог, как того хотела принцесса, рассмотреть в шаре

хрустальном, где носит Эрна нелегкая. Жаль было государю волшебника, нынче, чуя кончину скорую, усиленно ученика своего знаниями потчевавшего, да ничего поделать не мог. Воротить же нос от употребления вина с охотниками подлого происхождения корона обязывала. Не было, в общем, Его Величеству с кем душу в беседах приятных отвести и поневоле скучало оно за потомком Данстедов, но виду не подавало.

Вскоре после полудня гать была готова. Как только большая часть всадников беспрепятственно перешла через болото, капитан подправил пальцем обвисшие черные усы и постучал в дверь кареты.

– Что там еще? – отозвалась принцесса.

– Не соизволит ли Ваше Высочество выйти?

– Куда? Под дождь?! Да ты с ума сошел!

– Опасно ведь в карете через гать ехать...

– У меня нет сапог! – отрезала Нойра. – Поехали!

Капитан ругнулся под нос, помянув представителей венценосной семьи до седьмого колена, и дал знак возничему. Тот взялся за вожжи, и карета медленно двинулась по мосткам, переваливаясь с боку на бок. Под ее весом бревна погружались в воду, лошади упирались, ржали, жалуюсь небесам, но возничий безжалостно хлестал их, заставляя двигаться вперед.

– Ой! – вскрикнула тощая рыжая Хинта, съехав с подушек и ощутимо приложившись костлявым бедром о стенку кареты.

– Не дрова везешь! – вторила ей упитанная черноволосая Рогдана – вторая придворная барышня, судорожно хватаясь за кожаный ремень, свисавший сверху.

Принцесса Нойра с ненавистью смотрела на них. За время путешествия обе клуши осточертели ей так, что дальше просто некуда. Скрипнув зубами, она решила вместо того, чтобы по возвращению во дворец быстро выдать дур замуж за первых попавшихся проходимцев, лишь бы спровадить подальше, как хотела вчера, наказать подвесить их за волосы на Базарной площади. Да чтоб прямо напротив пекарни, наглый хозяин которой испек на именины короля торт огромный в виде головы драконьей, за что был осыпан милостями высочайшими, на ее взгляд, совершенно излишними.

Впрочем, не только будущая сладкая месть за проведенное в обществе девиц время сейчас занимала принцессу. Гораздо более беспокоил ее вопрос – в чем выйти к

отшельнику. Дорожное платье серой шерсти, которое не меняла уже неделю, выглядело так, словно его не только жевала одна из многочисленных коров, пасущихся вдоль дорог, но еще и проглотила со всеми вытекающими последствиями. Плащ малиновый, чернобурками подбитый, смотрелся едва ли лучше, а все остальное осталось в поломанной повозке. И еще будет счастье, если та нагонит их к завтрашнему дню. А прическа! Волосы – пакля паклей, даже по цвету стали схожи...

В общем, когда осторожный стук в дверь снова привлек ее внимание, Нойра в сердцах прорычала:

– Что там еще?

– Ваше Высочество, проводник знак подал, что подъезжаем к скиту.

– Чтоб он сдох! Останавливаемся здесь! С места не сдвинусь, пока не переоденусь.

Наутро тучи разошлись, выглянуло Солнце, и даже повозка нагнала отряд. Принцесса Нойра вновь поверила в удачу, вымыла и распустила белокурые волосы, обхватив их золотым обручем, нарядилась в бархатное темно-зеленое платье и окончательно обрела присутствие духа. Наказав за ней не ходить, она пошла по тропинке, вьющейся вдоль ручья, к скиту.

Жилище отшельника неприятно поразило ее неряшливым видом. Кривобокая избенка без окон, наполовину увязшая в земле, наводила на мысль, что и живет в ней старец, которому в обед сто лет, вряд ли помнящий, кто и когда к нему заходил, потому как уже давно ослабел головой.

Постояв какое-то время перед дверью, словно ожидая, что ей откроют, принцесса с тяжелым сердцем потянула кованую ручку на себя. Изнутри тут же шибануло такой вонью, что она едва устояла на ногах.

– Есть кто? – сдавленным голосом спросила Нойра, пытаясь что-нибудь разглядеть в полутьме.

«Неужто помер уже и вся моя затея – зря потраченное время?» – недовольно подумала принцесса, морща нос.

Открыв дверь нараспашку, Нойра решительно шагнула вперед и тут же споткнулась о какой-то горшок, с грохотом покотившийся в дальний угол. Она шарахнулась назад, зацепила ржавые рыцарские доспехи слева от входа, которые тоже наделали немало шума, рассыпаясь на составные части, и выскочила наружу, хватая воздух широко раскрытым ртом.

– Чего в хлеву забыла, красавица? – раздался голос за спиной.

Принцесса взвизгнула от неожиданности, неуклюже отпрыгнула от избушки и обернулась. Уперев руки в боки, перед ней стоял широкоплечий рослый мужик лет за пятьдесят с криво покромсанной гривой седых волос и окладистой бородой. Одетый в серую полотняную рубаху, перевязанную веревкой на поясе, кожаные штаны и лапти, он разглядывал ее, словно козу в базарный день.

– Чего уставился? – зло сверкнула зелеными глазами Нойра и запахнулась в черный плащ.

– И тебе здравствовать, – усмехнулся мужик, показав крепкие зубы. – Заблудилась?

– Да как ты смеешь?! – зашипело Ее Высочество, но потом опомнилось, сменило гнев на милость и поинтересовалось: – Это ты отшельником будешь?

– Отшельником? Ну, пожалуй, можно и так сказать. Сам-то я думал, что, скорее, затворник, но будь по-твоему, – кивнул тот. – Так за каким лядом тебя в эту глушь занесло?

– Я – Ее Высочество принцесса Нойра!

– Ух, ты! – от такого заявления отшельник почесал затылок и протянул: – Я так было и подумал, что не девка простая в гости пожаловала... Но чтоб само высочество!.. Дела-а... Небось этого, как бишь там его, ищешь?

– Эрна, – кивнула девушка. – Видел его?

– Как не видеть? Видал, как тебя сейчас. Заезжал, давненько, правда, еще перед весенним солнцеворотом... Да что ж мы тут стоя разговоры разговариваем! Идем в дом, – увидев, как скривилась принцесса, он улыбнулся: – Не бойся, высочество, изба моя за теми деревьями, а здесь я скотину держал, пока не сдохла.

Нойра послушно пошла за отшельником, дивясь себе – это же до чего за время путешествия можно одичать, чтобы терпеть такое обращение от паршивого мужика? Да эта сволочь подлая должна была на коленях умолять, чтобы она соизволила посетить его халупу! Так нет, сказал, повернулся и пошел, а она следом за ним, будто собачонка какая... Эх, позвать бы гвардейцев, пусть бы привязали быдло к дереву да и всыпали плетей, чтоб шкура ключьями изошла!..

Изба была большая, судя по замшелым понизу бревнам, старая, рубленая основательно, с высоким крыльцом, на котором отшельник снял лапти и сказал принцессе:

– Ты, высочество, туфельки тоже здесь оставь, а то наследишь ненароком. Я тут летом полы менял, а нынче на дворе грязь...

Нойра задохнулась от возмущения. «Ну, сукин сын, попомнишь ты у меня!.. На ремни шкуру порежу!» – клялась принцесса, избавляясь от обуви, однако любопытство было сильнее впитанного с молоком матери гонора.

Внутри пахло сосной, да так, что кружилась голова. Еще чувствовались запахи трав и еды.

– Сейчас чайку с медком заварим, чтобы ты взбодрилась. Притомилась, небось, с дороги-то, а? – тем временем балагурил отшельник, разжигая в печи огонь. – Ты садись, где видишь, в ногах-то правды нет...

Принцесса присела на широкую лавку, оперлась спиной о стенку и прикрыла глаза, где бушевала злость на отшельника, Эрна, из-за которого оказалась здесь, и отца, ни дна ему, ни покрывки с его драконами. Неизвестно, что за наказание она бы еще придумала мужику, дабы хоть в грезах себя потешить, но тут отшельник пододвинул к ней чисто выскобленный стол, поставил кружки и плошки с медом и уселся напротив.

– Так, говоришь, Эрн этот не вернулся еще? – произнес он. – Так оно и понятно – мимо меня вряд ли бы прошел...

– Что так думаешь? – напряглась принцесса, чьи ноздри защекотал острый мятный запах с примесью чего-то еще, ей незнакомого.

– Как же мне так не думать, коль взялся он повторить мой путь?

– Ты и взаправду знаешь, где дракон?! Видел его?

– Угу. Видал... – отшельник нахмурился и отвел взгляд.

– Почему ж не убил, ни дыху тебе, ни передышки?! – воскликнула Нойра, кляня дурака за нерешенные тем в свое время все ее сегодняшние неурядицы и обещая себе, что с живого шкуру спустит.

– Не все так просто, высочество... – собеседник повернулся к принцессе и вздохнул тяжело: – Давай, наверное, я все по порядку расскажу, потому как иначе не поймешь, почему может стать так, что больше Эрна ты не увидишь...

– Он обязательно вернется, он поклялся! Любит Эрн меня и любого дракона одолеет, чтоб ко мне возвратиться! – вскочила, покрасневшись от гнева, Нойра. – Как ты смеешь, трус, смерть ему пророчить?!!

– Успокойся, ничего я ему не пророчу. Не на смерть он пошел по той дороге, что я ему указал. Бывает что и похуже...

– Что может быть горше смерти? – зло ощерилась принцесса, снова присаживаясь. – Ты ври-ври, да не завирайся!

– А вот послушай меня сначала, а уж потом решай – вру я или нет. Пей чай, а я рассказывать буду. Вижу, любишь ты его, коли не поленилась ко мне отправиться. Может, и вправду суждено быть вам вместе, ежели справится Эрн с тем, что мне оказалось не под силу...

Нойра презрительно фыркнула, давая понять, что нет в том ничего удивительного.

– Был я тоже молодым, – начал отшельник, – наслушался сказок разных и грезил, как сражусь с драконом, как отрублю ему голову, как будут мне завидовать... В общем, хотел я чудище изничтожить не ради любви, как Эрн, а чтоб гордыню потешить. Отправился я искать дракона и дошел однажды до этих неприветливых мест. Тут тогда тоже затворник жил. Баял, что раньше здесь колдун зловредный обитал, с которым довелось ему сразиться и победить. Может, врал, может, нет... Иногда мне мнится, будто чую на болотах присутствие духа злого, но это так, к слову.

Затворник и поведал мне, что нет уже на свете белом чудищ, вывели их рыцари подчистую. Впрочем, сдавалось ему, что, чем черт не шутит, драконов и не было никогда, а люди сказки рассказывают, чтобы им спокойней было. Мол, когда жили чудища разные, то было в те времена гораздо хуже, чем сейчас. И, значит, если б не рыцари храбрые, чьи потомки теперь нами правят, то и до сих пор кормили бы мы драконов стадами тучными да ублажали девицами красными...

Сбил он меня с толку крепко. Растерялся я, не зная, что делать, и спросил совета.

Хмыкнул тогда затворник и поинтересовался, мол, а не хотелось бы мне прожить свой век просто, как все остальные, не желая испытаний трудных? Ведь если повстречаюсь с мечтой, то стану другим, изменюсь, а как – то никому не ведомо...

Ответил я, что не мыслю жизни без встречи с драконом, а там будь что будет – коли в грязь лицом не ударю, то не только чудище, но и свинья не съест. А станется не так, как думается, то уж ничего не попишешь – все на роду написано. Горяч я в те годы был и в себе уверен чрезмерно...

Отшельник с осуждением покачал головой и продолжил:

– Тогда он, испытующе глядя в глаза, поведал о дальней стороне, где будто, если верить рукописям колдуна, им со свету белого сжитого, есть блуждающий меж явью и навью город. Наяву это руины старые, людьми в незапамятные времена покинутые, но ежели откроется мне дорога, то найду там то, что ищу. Попасть же в град смогу, если возьму травы необыкновенной, однако в изобилии в тех местах произрастающей, а затем высушу ее и сварю в молоке дикой кобылицы – одной из тех, что пасутся на заливных

лугах речки, чьи берега поросли кустами смородины. Потом надобно мне этот отвар выпить и ждать полуночи при полном Месяце. Тогда, значит, и увижу город...

Сделал я так, как он сказывал. Отправился в дальние края, нашел в долине среди гор город брошенный, поймал кобылицу жеребую, дождался жеребенка, сварил травы сушеной в шлеме и выпил в урочный час. Взошел Месяц и предстал в его свете предомной дивный град, где белокаменные дома, крышами в небо упираясь, стояли, как ратники перед битвой, друг против друга в строгом порядке.

Вошел я в город, но не повстречал там ни единой живой души. Даже теней призрачных на глаза не попадалось. Прошел я улицами до главной площади и открылся моему взору дракон каменный. Сидел он, огромный как гора, и с высоты немыслимой смотрел глазами неживыми на меня, букашку мелкую.

От такого зрелища ноги мои подкосились, так и сел я там, где стоял. Затем накатил на меня будто сон мертвецкий, а когда открыл глаза... Вдруг увидел я на месте града в свете Месяца холмистую каменистую пустыню, костями и черепами усеянную, меж которых лежали белые щиты, круглые и плоские, с копьями, воткнутыми точно посередине...

Долго ли сидел в том мрачном месте, не ведаю, но когда настал день, то рассмотрел на ближнем холме людей. Вскочил я, замахал руками, закричал, но не обернулись они, и тогда побежал к ним.

Отроки и отроковицы были в чем мать родила, словно и вправду только что на свет появились. Изумился я такому непотребству, однако не успел и полдороги одолеть, как прямо передо мной рухнул с неба щит щербатый, весь окровавленный. Лежало на нем тело молодницы на сносках растерзанное.

– Это ее дракон обглодал, да? – ерзая от любопытства, перебила отшельника Нойра.

Он одарил ее взглядом неодобрительным и буркнул нелюбезно:

– Ты слушай, высочество, потому что когда поднял я глаза, то представилось мне зрелище ужасное. От края земли и до края воспаряли медленно в небо алое вращающиеся щиты с людьми, которые, держась за копья посередине, бежали, подобно белке в колесе, по кругу со всей мочи. А если уставали, то терял зачарованный щит высоту и падал, сбивая наземь тех, которые были внизу. Застыла кровь у меня в жилах, а глаза на лоб едва не вылезли, когда увидел, что не всегда из-за этого беда случается. Были на щитах и людишки подлые, норовившие себе дорогу наверх проторить любой ценой,

сталкивая соседей, сбивая их с пути. Опустил я взгляд и заметил, что нет больше никого на том холме, куда направлялся, – все уже бежали, поднимаясь медленно над землей.

Не успел я подумать, как быть, а уж тут сверху начали валиться щиты один за другим, потому что, видать, битва в небесах разыгралась нешуточная. Тогда, повинувшись обуявшему меня ужасу, повернул назад и бросился бежать прочь от места окаянного. И мчался, пока не рухнул замертво, а когда очнулся, то был уже далеко от долины с проклятым градом. Унесли оттуда ноги тело мое, но не душу. Стал мне с того времени сниться сон, что выхожу я на холм, становлюсь на щит, берусь за копье и начинаю бежать... Поднимаюсь все выше и выше, вижу вокруг людей разного возраста, чьи лица одинаково искажены мукой и страданием, но более завистью и ненавистью к другим. Замечаю, как норовят они спихнуть друг друга вниз, не думая о тех, кого там покалечат. И я сам делаю то же самое, прорываясь наверх. Весь в своей и чужой крови, пинаюсь, машу кулаками, кусаюсь, ненавижу... Просыпаюсь от скрежета зубовного и убеждаюсь, что нельзя мне к людям, с червоточинкой душа моя теперь, словно заражена дурной болезнью. Наверное, не стоило, когда бежал прочь, оглядываться. Тогда б не увидел того, что возвышается в небе, будто вытканное людьми кишашими.

– Что ж ты там увидел? Дракона?!

Отшельник кивнул с горестным видом.

– Точное подобие того, что сидит на площади града проклятого... – он вскинулся. – Однако не зря затворился я здесь. Придумался мне в одиночестве способ, как победить, о чем Эрну и поведал. И если любит тебя рыцарь всей душой, то сможет тем людям путь иной показать и назад возвратиться.

Принцесса одарила его непонимающим взглядом.

– Это все? А что с тобой опосля было?

– Вернулся я сюда и убил затворника, удавил веревкой, потому как и оружие, и себя там потерял. Ненавидел я старца тогда за тот страх, который поселился в душе моей, не понимал, что это для него избавление, а не наказание. Зато знаю сейчас твердо, что ему тоже там побывать довелось, иначе не светилась бы в его очах надежда, когда меня на подвиг провожал... Так что ежели твой возлюбленный не придет к тебе, то знай – занял он мое место. А теперь иди и верь сердцу своему.

Нойра нахмурилась.

– Ты мне вот что, шут гороховый, скажи – как же он батюшке моему свою победу докажет, если тот дракон в небе намалеванный?

Отшельник вдруг вскочил из-за стола, подбежал к ней и рывком поднял с лавки.

– Изыди, дура! – гаркнул он, вытолкал принцессу вон и захлопнул дверь, буркнув злобно: – Правильно я сделал, что к таким, как ты, не вернулся...

Оставшись один, отшельник в отчаянии с размаху приложился лбом о косяк. Неужто Эрну не судьба избавить его от видений окаянных?..

– Будь оно все проклято, – прошептал он и остервенело потер лоб, размазывая кровь. – Эх, не зря говорят – если хочешь толком что сделать, то сделай сам!

Отшельник встал на лавку, развязал на себе веревку, споро приладил ее к поперечине под потолком, соорудил петлю и накинул на шею. Затем вздохнул глубоко, бросил последний взгляд в окно и...

Увидел он не синие дали, и даже не темный лес, а принцессу, которая потерянно брела по грязи прочь, понурив голову и опустив плечи. И пронзила его каленой стрелой острая жалость к ней, но более к себе... Ведь если повиснет между небом и землей, то по всему выйдет, что победил его дракон, сожрал, как тех, чьи кости разбросаны в далекой пустыне.

Отшельник вылез из петли, спрыгнул на пол и выбежал на крыльцо.

– Эй, высочество! – зычно крикнул он.

Принцесса повернула к нему заплаканное лицо – оказавшись за дверью, поняла она одно: ждать ей замужества, пока рак на горе не свистнет.

– Чего тебе? – всхлипнула Нойра.

– Пойдешь со мной?

– Куда?

– За Эрном, вестимо. И вправду долгонько его нету. Может, случилось с ним чего...

– Да, – просияла принцесса. – Сейчас накажу собираться...

– Э, нет, – сурово оборвал ее отшельник. – Вдвоем пойдем. Только ты и я, иначе не выйдет ничего. Не нужна там толпа, просто скажи своим, пусть ждут нас здесь.

– Хорошо! – крикнула Нойра и бросилась бежать.

– Да предупреди, чтоб хозяйство мое в ожидании не порушили! – заорал он вслед и широко улыбнулся, снова почувствовав себя как давным-давно в молодости.

Возвращение принцессы упредили два гвардейца, посланные ей вдогонку. Они подбежали к капитану, который сидел на пне трухлявом в ожидании, пока прожарится туша косули, размышляя, чего еще мерзкого ждать от жизни, и один из них доложил:

– Идет!

– Будто на крыльях летит! – уточнил второй.

– Вот как? – капитан поднялся. Без коня он был невысок, кряжист и подтянут. – Интересно, чего ей там отшельник намолол...

Не успел он договорить, как на стоянке появилась радостная Нойра. Замедлив шаг, она подошла к капитану и наказала:

– Тотчас же прикажи седлать мне двух коней!

– Зачем?! – опешил тот.

– Не твое собачье дело!

– Но, Ваше Высочество...

– Я кому сказала!

На ее крики из кареты выскочили придворные барышни.

– Мы опять куда-то едем? – спросила Хинта.

– Я еду одна, – отрезала принцесса, – с отшельником, и нет у меня иного выбора.

– Да как же так можно?! – запричитала Рогдана. – Одна-одинешенька с каким-то мужиком неотесанным!..

– Заткнись, дуреха! Он поумнее тебя будет!

– Но, Ваше Высочество, – снова подал голос капитан, – я же обязан оберегать...

– Где мои кони, сволочь?! – вызверилась на него Нойра.

Гвардеец почел за благо броситься выполнять наказ. Придворные барышни взорвались никчемным кудахтаньем, но принцесса уже не обращала на них внимания. Она направилась к повозке с одеждой и принялась рыться в сундуках, разбрасывая в сторону наряды, пока не остановилась на камзоле, вышитом золотом, синих штанах и юбке, чтоб надеть ее поверх них.

Переодевшись в карете, она вышла в мягких кожаных сапожках, взяла, ни на кого ни глядя, под уздцы двух коней и направилась прочь. Капитан прищурился недобро ей в спину, затем перевел взгляд на барышень, выглядевших побитыми собаками, задержал его на Рогдане и вздохнул. У него хоть и небольшой, но выбор был.

– Ого, вырядилась, чисто на бал собралась, – встретил Нойру отшельник, неодобрительно поджав губы. – Да еще и коней привела...

– А что такое?

– Не годится никуда твоя одежда. Да и кони нам не нужны – пешими пойдем.

– Как это? – растерянно захлопала глазами принцесса.

– Ножками, высочество, ножками, потому что не пройдут там кони – места шибко гиблые, самим бы уцелеть, – нахмурился отшельник, пошел в избу, вынес две котомки и подал ту, что поменьше, Нойре. – Вот, держи, тут одежда да разное по мелочи, а я снедь на первое время понесу и снадобья на тот случай, если покалечимся в дороге.

– Да чтобы я?.. Ах ты, пес шелудивый!..

– Все, прощай, высочество, – мужик уронил меньшую котомку, проверил кинжал на поясе, вздел суму на плечо, приладил лук со стрелами и взял рогатину, кончики которой были серебром окованы.

– Постой! Я иду с тобой!

– Угу, – буркнул он, не оборачиваясь, и пошагал вперед.

Принцесса, кипя от злости, бросила коней на подворье, схватила котомку и кинулась вдогонку. Нагнав отшельника, она, запыхавшись с непривычки, спросила, смиряя гнев:

– А что ж ты, вояка лесной, ни доспехов не одел, ни оружия не взял?

– Не нужно это мне. Не страх иду нагонять, но твоего суженого выручать, – ответил отшельник и тряхнул рогатиной. – Вот этого вполне хватит, если с шатуном каким на узкой дорожке не разминемся или оборотни нам повстречаются...

Не один день занял их путь в Драконью Пасть – так прозывал отшельник заповедную долину. За это время принцесса успела изорвать свое платье с обувкой и привыкнуть к некрасивым, но удобным сапогам и простой одежде, от которой поначалу наотрез отказывалась, а весна сменила зиму. Пройдя с пару-тройку верст по холмистой равнине в окружении покрытых вечными снегами гор, поросшей редким кустарником да одинокими, изогнутыми ветрами деревцами, отшельник вдруг втянул ноздрями воздух и пробормотал:

– Чудно...

– Что? – спросила Нойра.

– Дымом как будто тянет. Только странный он какой-то, сладкий, что ли...

– Значит, Эрн где-то недалеко! – Принцесса от избытка чувств всплеснула руками. – Мы его нашли! Эрн!!! Ау!

– Не кричи! – одернул ее отшельник. – Мало ли кто на крик тут откликнется...

Они пошли на запах дыма и вскоре вышли к костру, около которого сидел человек, а рядом беспорядочной грудой валялись доспехи.

– Эрн! – завопила девушка и бросилась к нему.

Тот поднял голову и явил грязное худящее лицо, где блуждала дурацкая улыбка и монетками бессмысленно блестели глаза.

– Любимый мой, как долго я тебя искала! – принцесса прильнула к нему и принялась осыпать поцелуями.

– А, это ты... – ничуть не удивился Эрн, когда ему выпала такая возможность, и отвернулся, сунув голову в самую гущу дыма.

Отшельник невольно изумился равнодушию рыцаря, бросил наземь тяжелую котомку, снял лук со стрелами и оперся на рогатину.

– Что с тобой, милый? – всполошилась Нойра.

Эрн закашлялся, откинулся от костра и растянулся на спине.

– Цып-цып-цып, – пробормотал он и облизался.

– Что с ним? – обернулась девушка к отшельнику.

– Беда, – принялся чесать затылок тот, пытаясь припомнить, что знал об опасностях, подстерегающих драконоборцев в пути.

Видя, что мужик ничего толком ответить не может, Нойра принялась тормошить любимого, но тот лишь скалился в никуда да бормотал нечленораздельно, не открывая глаз. Устав, девушка снова села около уже едва тлевшего костра и подбросила несколько охапок травы, лежащей как раз под рукой.

Повалил густой дым, который порыв ветра швырнул принцессе в лицо. Вдохнув нечаянно, она надсадно закашлялась, затем вытерла заслезившиеся глаза, облизнула губы и... улыбнулась. Все вокруг, в меру серое, как это бывает ранней весной, неожиданно приобрело яркие краски, а далекие вершины гор – необыкновенную четкость, словно с глаз спала пелена полупрозрачная.

Взглянув на озабоченное лицо отшельника, Нойра фыркнула – старик показался смешным. Что ему покоя не дает, если все сложилось так хорошо? И даже не хочется что-нибудь сделать с его шкурой, как в былые времена. По правде, ей уже давно ничего подобного в голову не взбрело, а тем паче сегодня! И сюда пришли, и Эрн отыскали, и дракону голову он снесет!.. Она чмокнула губами и беззаботно рассмеялась.

– О чем задумался, старче? – сквозь смех спросила принцесса. – Лучше б куропатку какую поджарил!

Тот не обратил на нее внимания, отчаянно лохматя голову и перебирая в уме силы зла, но ни погибальцы, ни стриги, ни хмыри болотные, ни Могол-птица вкупе с Лихом

Одноглазым не годились. Повстречай их Эрн на пути, то давно был бы уже мертвее мертвого. Вдруг в памяти забрезжило воспоминание о том, как говорил ему старый затворник, чтоб не смел траву волшебную в огонь кидать, не то все переменится в его сознании.

– Ах ты, мать моя – женщина! – воскликнул отшельник и принялся затапывать костер. – И это мне-то мнилось, что я изменился!!!

– Ты чего творишь, хрыч замшелый? – подал голос Эрн, принимая сидячее положение. – Танцуешь, что ли?

– Милый, давай, и мы потанцуем, – повернулась к нему Нойра. – Я так рада, что ты цел и невредим! Вот только исхудал сильно.

– Да уж, червячка заморить не мешало бы...

– Ты мне не рад? – надула губки девушка.

– Я ему не рад, – буркнул Эрн. – Эй, ты кто?

– Заркиф, – ответил отшельник, притапывая последние искры.

– Кто?!

– Зовут его так, – пояснила Нойра. – Я его Зариком называю. Смешно, правда?

– Обхохочешься, – фыркнул Эрн и беспокойно поинтересовался: – А трава где?

– Так спалила я... А что? Вон вокруг ее сколько!

– Ага, теперь ее снова косить надо, – он пошарил руками, вытащил из-под доспехов меч, весь в коросте ржавчины, поднял его, но удержать в дрожащей руке не смог. – Вот... упал и снова, хи-хи, начал валяться... Нет, не косарь я сегодня... И не жнец, и на трубе не игрец... – Эрн хрипло хохотнул. – И не швец... Я просто бубенец! Бец-бец!

Нойре это тоже показалось смешным, и она заливисто рассмеялась.

Заркиф стоял, хмуро смотрел, как влюбленные валяют дурака, и размышлял напряженно, что бы предпринять. Не говорил ему затворник, что делать надобно, коли уж отравного дыма нанюхался. Поэтому поступил он по своему разумению. Подошел к Эрну и Нойре сзади, взял их за шкирки и поволок, поначалу протестующих, а вскорости притихших, туда, где, как ему помнилось, текла река, чьи берега поросли кустами смородиновыми. Там дал им поспать, затем сбрызнул водой студеной и повел к костру, где уже горели дрова настоящие, которые наломал, пока другие почивали.

Сидя вечером около огня, Заркиф с изумлением наблюдал, как исчезает мясо набитой из лука дичи. Нет, в том, что оголодавший Эрн ел за троих, не было ничего удивительно, но вот с какой скоростью и в каком количестве поглощала еду принцесса, его

поражало. Не замечал он раньше в девушке такой прожорливости, однако, по большому счету, то была не его забота – есть теперь у нее жених, вот пусть и печется, как прокормить суженую.

Когда последняя обсосанная косточка была брошена в огонь, Заркиф спросил у Эрна, ходил ли он в град блуждающий. Тот пожал плечами и ответил:

– А как же, бывал. Как не ходить, если там, среди развалин, на козлов горных охотиться сподручнее всего.

– Я не о том. К дракону ходил?

Эрн замялся.

– Понимаешь, как-то так получилось, что пока я ждал, когда кобылица пойманная ожеребится, трава, которую сушил... Загорелась, в общем, от искры случайной. Я ее тушил... Ну и дыма наглотался, а когда очухался, таким голодным себя ощутил, что съел ее...

– Траву?! – поперхнулся от удивления Заркиф.

– Не, кобылицу.

– Всю? – округлил глаза отшельник.

– Не сразу... В общем, я ее не одну съел, а когда табун подальше ушел, я за козлов взялся...

– И траву палил все время?

– Ты не представляешь, как спокойно на душе становилось... Правда, бывали дни, когда с ума от тоски по ней сходил, – Эрн прижал к себе сидящую рядом Нойру. – И понимал ведь, что без драконьей башки мне к ней ходу нет, и все равно не мог себя заставить перестать траву жечь, чтоб за дело взяться. Да и сомнения у меня были, что, если все обстоит так, как ты сказывал, изведу дракона...

– Изведешь, обязательно изведешь, – уверенно сказал Заркиф. – Завтра мы возьмемся за дело это обстоятельно.

Минул весенний солнцеворот, приближалась урочная ночь. За прошедшее время Эрн отъелся, а также опамятовался настолько, что перестал жадно шарить взглядом вокруг и дергаться, когда попадались на глаза заросли травы необычной, как в первые дни. Все время рыцарь проводил с Нойрой, и они никак не могли наговориться, рассказывая друг другу не так о прошлом, как о будущем. Заркиф наблюдал за ними и посмеивался – с каждым днем росла в нем вера в удачу.

В тот вечер они втроем сидели вокруг костра, разожженного рядом с руинами. Языки пламени лизали шлем Эрн, где готовился навь-отвар из кобыльего молока и нескольких горстей высушенной и измельченной травы необыкновенной. Над горами за спиной отшельника разливалось будто кровью подкрашенное свечение – вот-вот должен был показаться полный Месяц...

Заркиф последний раз помешал варево, снял шлем с огня и отставил в сторону, чтобы напиток охладился.

– Не надо бояться, – сказал он, заметив, как тревожно блеснули глаза влюбленных. – Я там был и назад вернулся.

– Но ты ведь сам сказывал, что не уберег душу свою, – возразил Эрн. – Мне тоже накажешь не оглядываться?

– Не в том дело. Сдается мне, что понял я ошибку свою...

– Какую? – вскинулась Нойра.

– Я туда с оружием пришел, а потом еще и его послал...

– А как же еще на дракона ходить?! – разинул рот от удивления рыцарь.

«Как, как... Дракон ведь тот людьми роящимися сотворенный. Заблудились они там, как ты в дыму, им дорогу показать надобно», – подумал Заркиф, но вместо ответа потянулся за шлемом, взял его и поставил перед ними.

– Пейте!

– Я тоже? – удивилась девушка.

Он кивнул.

– Вместе пойдете, потому как не воевать там надобно, но любить. Крепко, по-настоящему. Коли сможете, то победите.

– Как это?

– Если вместо того, дабы во что бы то ни стало гнаться ввысь, люди там последуют примеру вашему, определяют себе цель добрую, то некому будет прийти на смену тем, кто сверзится вниз, и дракон растает как наваждение злое.

Эрн с улыбкой посмотрел на возлюбленную, взял шлем, сделал первый глоток и передал ей.

– А как же я докажу старому королю, что победил? – спросил он.

Не успел Заркиф ответить, как вместо него это сделала Нойра.

– Окуришь моего батюшку травкой здешней, и он еще не в то поверит, – рассмеялась она. – Допивай и пошли, драконоборец мой!

Была уже пора – в свете Месяца заросшие пучками травы и выющимися побегами развалины обретали странный вид высоких угловатых башен, усеянных черными бойницами окон.

Заркиф помог девушке подняться, подвел к широкому проходу между строениями и произнес:

– Идите и одарите их своей любовью.

Обняв друг друга за талии, влюбленные двинулись вперед. Вскоре их очертания растаяли среди неверных в свете Месяца теней.

Заркиф проводил драконоборцев взглядом и остался ждать, подняв голову к звездному небу. На его лице играла мечтательная улыбка. Они вернуться, а он их обязательно дождется, пусть время там и течет иначе.

Вера бывшего отшельника в силу любви была тверда как камень.

– Так он там, Ваше Величество, и стоит как заколдованный – ни жив ни мертв, – закончил доклад капитан гвардейцев.

– Сам видел? – хмуро спросил старый король.

– А то! Неужто я Ее Высочество без присмотра покину? За ними в отдалении следовал. Половина моих гвардейцев в той долине осталась траву жечь...

– Да и черт с ними! – сплюнул опечаленный отец принцессы и дал знак слуге наполнить их с капитаном кубки. – Остается только ждать...

Они выпили. Выдержав невеселую паузу, капитан поставил кубок, вытер усы и произнес:

– Ваше Величество, если я вам больше не нужен...

– Иди, чего уж там, – буркнул король, затем хмыкнул и добавил: – Приходи завтра к обеду, поговорим. Сдается мне, что за новоиспеченным чародеем глаз да глаз нужен, а ты как раз для дела этого весьма подходишь.

Гвардеец встал, поблагодарил за доверие, пообещав, как водится, его оправдать, и удалился из Охотничьего зала, где на стене плешью выделялось место, приготовленное для головы дракона.

За дверью стояла, широко улыбаясь, Хинта. Не дожидаясь вопроса, она выпалила:

– Младенец мужеского полу! Богатырь!

Капитан схватил ее в объятия и расцеловал, хотя в иные моменты и терпеть эту сухопарую курицу не мог. Однако сейчас же был несказанно рад: не напрасным оказалось

путешествие, видевшееся бессмысленным, сумасшедшая ночь с Рогданой в избе отшельника принесла свои плоды – жена родила ему гвардейца!

Подкрутив кончики усов, капитан от души улыбнулся грядущему и поспешил домой. Кроме прочего, гори все остальные ясным пламенем, он будет не он, если сегодня не сделал еще один шаг вверх по служебной лестнице!

Месяц утонул среди туч, и башни вокруг растаяли во тьме. Исчезло все, и лишь два голоса звучали в ночи.

– Мы заблудимся...

– Теряют дорогу те, кому некуда возвращаться.

– Здесь нет любви...

– Я рядом. И всегда буду с тобой.

Голоса смолкли, когда Эрн и Нойру сморил сон. Высоко над их головами вспыхнули два желтых глаза, сочащиеся ненавистью.